

Дегтярев Даниил Дмитриевич

аспирант

ОЧУ ВО «Московский инновационный университет»

г. Москва

DOI 10.31483/r-168870

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

***Аннотация:** статья посвящена переходу от электронного правосудия к цифровому правосудию как следующей стадии цифровой трансформации судебной системы. На основе анализа решений Совета судей РФ, Концепции цифровой трансформации судебной системы (декабрь 2025 г.) и доктрины конституционного права рассматриваются институциональные и правовые предпосылки этого перехода. Предложена авторская периодизация цифровой трансформации российского правосудия и обоснован тезис о неравномерности («асимметричности») цифровизации судебных подсистем как факторе, влияющем на реализацию конституционного права на судебную защиту. Дальнейшее развитие цифрового правосудия актуализирует исследование права на судебную защиту в условиях цифровизации и других современных вызовов.*

***Ключевые слова:** цифровое правосудие, электронное правосудие, судебное право, искусственный интеллект, судебная система, право на судебную защиту, цифровая трансформация, Конституция Российской Федерации.*

Ранее автором было установлено, что в российской правовой доктрине сформировались две относительно самостоятельные концепции – электронного и цифрового правосудия, при этом цифровое правосудие было определено как последующий, качественно иной этап развития электронного правосудия, связанный с допущением технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность, а в качестве теоретической основы дальнейшей трансформации была предложена доктрина судебного права как единой интегрированной процессуальной отрасли [3]. Развитие событий последних месяцев показывает, что пере-

ход от электронного к цифровому правосудию перестаёт быть сугубо теоретическим и приобретает конкретные институциональные очертания, что делает продолжение исследования не только оправданным, но и необходимым.

От рабочих групп к концепции: институционализация цифрового правосудия.

Значимым индикатором смены этапа является институционализация процесса цифровизации на уровне судейского сообщества. 4 апреля 2025 г. состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему, образованной президиумом Совета судей РФ; участники заседания констатировали, что искусственный интеллект способен снижать служебную нагрузку на судей и работников аппаратов судов, минимизировать число судебных ошибок и повышать качество подготовки судебных актов, но не может самостоятельно принимать судебные акты – окончательное решение должно оставаться за судьёй [9]. Председатель Совета судей РФ В.В. Момотов, характеризуя состояние информационной инфраструктуры, отметил, что судебная система «в своей основной массе» использует морально устаревшие и технически несовместимые информационные системы, а в 13 из 89 регионов мировые судьи применяют собственное программное обеспечение, не входящее в состав ГАС «Правосудие» [11]. Данное наблюдение принципиально важно: оно фиксирует не только техническую, но и институциональную разобщённость электронного правосудия, о которой ранее говорилось как о «хаотичном» характере его форм [3].

Развитием этой линии стало представление Верховным Судом РФ в декабре 2025 г. Концепции цифровой трансформации судебной системы, определяющей, по словам председателя Верховного Суда РФ И.В. Краснова, «ключевые направления развития цифрового сопровождения судебной деятельности» является дальнейшее развитие электронного судопроизводства, расширение личных кабинетов участников процесса и совершенствование системы электронных уведомлений [2]. Несколько ранее, в октябре 2025 г., И.В. Краснов обозначил в качестве

перспективного направления развития судебной системы «аналитические программные комплексы на основе искусственного интеллекта», способные быстрее выявлять противоречия в судебной практике, подчеркнув при этом, что одной из главных задач остаётся обеспечение доступности правосудия и устранение «недружественных интерфейсов» официальных сайтов судов [5]. Параллельно Министерство юстиции РФ сообщило о завершении в 2025 г. внедрения механизмов дистанционного участия во всех видах судопроизводства, включая дела об административных правонарушениях, для которых с июля 2025 г. официально действует электронный документооборот, и о начале тестирования инструментов искусственного интеллекта для антикоррупционной экспертизы нормативных актов, с сохранением финального экспертного решения за человеком [6].

Совокупность указанных фактов позволяет утверждать, что к началу 2026 г. в России сформировался не просто набор разрозненных цифровых сервисов, а институциональная основа для системного перехода к цифровому правосудию: рабочая группа судейского сообщества, стратегический документ Верховного Суда РФ и ведомственная практика Минюста России действуют в одной парадигме. Однако, как справедливо отмечается в новейшей конституционно-правовой литературе, технологический потенциал передовых решений – способность «не только автоматизировать ряд задач, но и выполнять их самостоятельно» сама по себе создаёт правовой пробел: регламентация применения таких технологий требуется не только в процессуальном, но и в конституционном законодательстве [1]. Этот тезис соотносится с выводом, сделанным автором ранее применительно к судебному праву [3], и позволяет предложить дальнейшее развитие аргументации.

Периодизация цифровой трансформации правосудия: авторская модель.

Обобщая изложенное, представляется возможным предложить собственную периодизацию цифровой трансформации российского правосудия, отличную от простого противопоставления электронного и цифрового правосудия.

Первый этап – этап *информатизации* (условно 2012–2020 гг.) – характеризуется созданием реестров судебных актов, формированием электронного документооборота и информационных порталов судов; его содержание было раскрыто ранее [3]. Второй этап – этап *интегрируемой цифровой среды* (начался ориентировочно в 2023–2025 гг. и продолжается по настоящее время) – заключается в попытке объединения разрозненных информационных систем в единое информационное пространство и во включении искусственного интеллекта в судебную деятельность исключительно в качестве вспомогательного инструмента, применяемого к «бесспорным», техническим вопросам без замещения судебного усмотрения [5; 9]. Именно на этом этапе находится российское правосудие в настоящий момент, что подтверждается как созданием профильной рабочей группы, так и представлением Концепции цифровой трансформации судебной системы [2; 9]. Третий, перспективный этап – этап *собственно цифрового правосудия* – предполагает не сосуществование отдельных цифровых сервисов, а качественно новую процессуальную форму, в рамках которой алгоритмическая поддержка принятия решений интегрирована в единую, а не разрозненную по видам судопроизводства, процедуру. Достижение этого этапа, на наш взгляд, невозможно без решения именно той задачи, которая была поставлена в предшествующем исследовании – теоретической разработки доктрины судебного права [3].

Данная связь видится не декларативной, а функциональной: если технологии искусственного интеллекта, легальное определение которых на федеральном уровне закреплено Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [10], обучаются и применяются на массиве судебных актов, вынесенных в рамках разных процессуальных отраслей (гражданского, арбитражного, административного судопроизводства), то отсутствие единства процессуальных категорий и принципов создаёт риск некорректного переноса алгоритмических решений из одной процессуальной формы в другую. Указанный риск не устраняется одной лишь технической унификацией информационных систем. Иными словами, унификация процессуального права выступает

не только теоретическим, но и практическим условием корректного и предсказуемого применения искусственного интеллекта в судебной деятельности. Данный вывод не встречается в проанализированных источниках в такой формулировке и представляется самостоятельным результатом настоящего исследования.

Асимметричность цифровизации как фактор неравенства в доступе к правосудию.

Анализ данных о неравномерном распространении программных решений – 35% судов, применяющих искусственный интеллект, преимущественно для распознавания речи и составления протоколов [11], при сохраняющейся несовместимости программного обеспечения в 13 из 89 регионов [12] – приводит к выводу, что цифровизация российского правосудия носит не только «хаотичный», но и *асимметричный характер*: степень цифровой зрелости различается не только между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, как отмечалось ранее [3], но и между регионами внутри одной судебной подсистемы, а также между категориями дел (например, между делами о вынесении судебных приказов, где автоматизация продвинулась дальше, и делами, требующими оценки доказательств).

Подобная асимметрия имеет прямое конституционно-правовое значение. Право на судебную защиту, гарантированное статьёй 46 Конституции Российской Федерации [4], предполагает не формальную возможность обращения в суд, а получение реальной судебной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав [4; 7]. Если фактический объём цифровых возможностей: скорость уведомления, доступность электронной подачи документов, качество и скорость обработки обращений зависит от региона или категории дела, то возникает риск дифференцированной, неравной по своему практическому содержанию реализации одного и того же конституционного права разными субъектами. На необходимость учёта интересов граждан, не обладающих достаточными цифровыми навыками (в первую очередь лиц пожилого возраста), прямо указывал и председатель Верховного Суда РФ [2], что подтверждает практическую, а не умо-

зрительную природу описанной проблемы. Таким образом, можно сформулировать тезис об асимметричной цифровизации как самостоятельном факторе неравенства в реализации права на судебную защиту.

Право на судебную защиту за пределами цифровизации судопроизводства.

Показательным подтверждением того, что содержание права на судебную защиту не сводится к вопросам цифровизации судопроизводства как такового, служит практика Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении от 20 января 2026 г. №2-П Конституционный Суд РФ, рассматривая ограничение судебной защиты имущественных требований, связанных с законным владением цифровой валютой, подтвердил, что судебная защита предполагает не только формальное право на обращение в суд, но и возможность получения реальной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав на началах справедливости и юридического равенства [7]. Заявитель по этому делу оспаривал норму именно потому, что она ставила обладателей нового вида имущества – цифровой валюты, в неравные, по сравнению с иными собственниками, условия доступа к судебной защите [7]. Данный пример показывает, что современные вызовы праву на судебную защиту порождаются не только цифровизацией самого судопроизводства (внедрением электронного документооборота или искусственного интеллекта), но и появлением новых объектов гражданских прав и новых форм экономических отношений, требующих самостоятельного осмысления в системе конституционных гарантий.

Схожим образом на затруднённость реализации права на судебную защиту влияют факторы, прямо не связанные с цифровыми технологиями: высокая судебная нагрузка (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, только в 2023 г. судами было рассмотрено свыше 26 млн дел) [8], финансовые издержки судебного обращения [9], а также сохраняющийся дефицит правовой информированности отдельных категорий граждан [8]. Действующие процессуальные кодексы (статьи 3 и 35 ГПК РФ, статьи 4 и 41 АПК РФ, статья 45 КАС РФ) предусматривают возможность обращения в суд в электронной форме, однако

само по себе закрепление такой возможности не устраняет перечисленные содержательные барьеры.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет заключить, что переход от электронного к цифровому правосудию в России, обозначенный ранее как закономерный, но перспективный этап [4], к 2026 г. приобрёл конкретные институциональные формы – рабочую группу по искусственному интеллекту при Совете судей РФ, Концепцию цифровой трансформации судебной системы Верховного Суда РФ и ведомственные инициативы Министерства юстиции РФ [2; 7; 9]. Вместе с тем реализация этого перехода сталкивается с двумя взаимосвязанными проблемами: отсутствием единой процессуальной основы, необходимой для непротиворечивого применения алгоритмических инструментов в разных видах судопроизводства, и асимметричным характером самой цифровизации, порождающим риск неравномерной реализации конституционных гарантий в зависимости от региона или категории дела. Устранение первой проблемы, на наш взгляд, невозможно без последовательной разработки доктрины судебного права [3], а устранение второй требует не только технической модернизации информационных систем, но и специального конституционно-правового осмысления.

Именно последнее обстоятельство определяет главный итоговый вывод.

В рамках дальнейшего развития цифрового правосудия особый научный интерес представляет самостоятельное исследование конституционного права на судебную защиту, поскольку, как показывает практика Конституционного Суда Российской Федерации [7] и анализ фактических барьеров доступа к правосудию [8], содержание и гарантии этого права определяются не только процессами цифровизации судопроизводства, но и иными явлениями современности, например появлением новых объектов и форм собственности, изменением экономических отношений, ростом судебной нагрузки и неравенством цифровой грамотности населения. Цифровая трансформация правосудия, таким образом, должна

рассматриваться не как самостоятельная цель, а как один из факторов, являющимся важным, но не единственным в вопросе обеспечения права каждого на реальную судебную защиту.

Список литературы

1. Вашурина С.С. Цифровая трансформация правосудия в России: конституционно-правовые аспекты / С.С. Вашурина // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – №10(179). – С. 39–49. – URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5295> (дата обращения: 09.08.2026). DOI 10.17803/1994-1471.2025.179.10.039-049. EDN NVDEJV

2. Верховный суд РФ представил план цифровой трансформации судопроизводства. – URL: <https://www.m24.ru/news/sudy/02122025/852207> (дата обращения: 09.08.2026).

3. Дегтярев Д.Д. Перспективы развития электронного правосудия в России / Д.Д. Дегтярев // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: сб. трудов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 142–146. – URL: https://phsreda.com/ru/article/150825/discussion_platform (дата обращения: 09.08.2026). EDN JLAOYI

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Ст. 46. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.08.2026).

5. Куликов В. Цифровая правда: Игорь Краснов заявил о планах внедрять ИИ в работу судебной системы / В. Куликов // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2025/10/22/cifrovaia-pravda.html> (дата обращения: 09.08.2026).

6. Минюст РФ завершил цифровизацию судов и внедряет ИИ для экспертизы законопроектов. – URL: <https://sudzakon.ru/news/minyust-rf-zavershil-cifrovizaciyu-sudov-i-vnedryaet-ii-dlya-ekspertizy-zakonoproektov/> (дата обращения: 09.08.2026).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. №2-П. – URL: <https://legalbulletin.online/konstitucionnyj-sud-ustanovil->

chi-prava-narushaet-ogranichenie-na-sudebnuju-zashhitu-trebovanij-svjazannyh-s-obladaniem-cifrovoj-valjutoj/ (дата обращения: 09.08.2026).

8. Право на судебную защиту в условиях цифровой трансформации правосудия // Молодой ученый. – 2025. – №591. – URL: <https://moluch.ru/archive/591/128896> (дата обращения: 09.08.2026).

9. Совет судей Российской Федерации. 4 апреля 2025 года состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему. – URL: <https://www.ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905> (дата обращения: 09.08.2026).

10. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ №490 от 10.10.2019 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) (ред. от 15.02.2024). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 09.08.2026).

11. 35% российских судов используют искусственный интеллект // Право.ru. – URL: <https://pravo.ru/news/258775/> (дата обращения: 09.08.2026).